

съ зади немножко подпехну, — ты и не зѣвай, руби ей голову саблей“. Приходятъ добры молодцы къ этой банѣ, какъ есть онѣ съ дороги моютцѣ въ ней; чѣртъ и забравсе въ баню къ нимъ, а мужицкѣ вставъ въ передбанѣ. Вотъ выходитъ жона ево изъ бани, сунула во двери голову и говоритъ своей бабкѣ довгоноскѣ: „Ахъ, бабушка! русскимъ духомъ пахнеть!“ „Што ты, дитя,—отвицѣть бабка,—какой здись русской духъ? ты жила тамъ,—тибѣ все русской духъ и цуетцѣ“... Вотъ жона и ушла изъ бани; бабка одна осталась въ банѣ. Вотъ и она покатила водой и пошла вонъ; во двери только-што голову показала, чѣртъ съ зади немножко попехнувъ, а мужицкѣ и отсѣкъ ей голову, взявъ за носъ и бросивъ въ море; на ногу вставъ, другую раздѣрнувъ и тожо въ море бросивъ. Пришовъ онъ къ своей молодой жонѣ, беретъ ее за руку и отправляютьцѣ въ свою мѣстность, и построивъ онъ опѣтъ свое царство ищю лутше прежнево, и ставъ онъ со своей жоной жить да царствовать, тѣмъ и сказка концѣтце!..—

Вельскій у. Зап. со словъ Матушкина. 90-е годы.

31. Жарь-Птица.

Жилъ-былъ царь, у этово царя жона была такая прекрасная, што лѣтъ 30-ть некто не выдавъ ее въ лицѣ,—подъ скроемъ водивъ. Жона принесла ему трехъ сыновъ; стали онѣ выростать до большово возраста, и ходили онѣ во зеленой садъ гулетъ и по нотамъ плясать. Вотъ приходятъ съ гуленья и говорятъ своему батюшку таковы слова: „Ахъ, батюшко! выпусти ты нашу матушку, пусть она посмотритъ, какъ мы гулѣмъ“. Онъ послушавъ ихъ, выпустивъ ее на балконъ. На ту пору, на то время прилѣтѣла Жарь-птица, схватила ихъ матушку и унесла за тридевять земель, за тридевять морей въ свое царство. Говоривъ тогды царь своимъ сыновьямъ таковы слова: „вотъ я васъ послушавъ, выпустивъ вашу матушку, а свою жону, и намъ больше ее во вики не видать!..“ Большово сына звали Ѳеодоромъ, среднево — Васильемъ, а младово—Иваномъ; они и пошли добиратцѣ своѣ матушки. Спервонацялу зашли онѣ въ кухню и сковали сибѣ по ципѣ по желѣзной. Шли да шли

и до тѣхъ поръ дошли, што ушла дорога въ гору, и на эту гору не попасть не пѣшому, не конному. Малой братъ и говоритъ большому: „Ну-ко, братъ Ѳедоръ, бросай ты свою ципь на эту гору!“ Онъ бросивъ, но за край (горы) крюкомъ тамъ не захватило, не могъ и до краю докинуть. Потомъ ставъ бросать свою ципь середній братъ Василій, и у тово не захватило за край горы, ципь назадъ покатилась. Бросавъ Иванъ Цяревиць свою ципь и захватила ево ципь за край, за гору, и посылаетъ онъ своево брата Ѳедора по этой ципѣ лизти на гору; и подлезъ ево братъ Ѳедоръ высоко, назадъ оглянувся и охватила ево страсть, и окативсе долой съ горы этыя. Вотъ посылаетъ Иванъ Цяревиць второво брата Василья лизти на эту гору, и тово взяла страсть, не могъ взлизи на эту гору. Вотъ полезаетъ самъ Иванъ Цяревиць на эту гору и наказъ братьямъ наказываетъ: „Вы дожидайтесь меня со своей матушкой въ девятой день; ежели я въ девятой день не буду, то сотворите мнѣ этто вѣщную память...“ Вотъ онъ злезъ туды и пошовъ онъ по этой горѣ и видитъ матерущую хоромину и колотивсе подъ окномъ: „Господи, помилуй! Дома-ли хозѣинъ? Ослободи, говоритъ, меня отъ темной ноци, пусти ноцевать!“ И забиласе тутъ по плечъ въ окно прекрасная дивщина: „Кто, говоритъ, подъ моимъ окномъ (такъ) смѣло колотитцѣ? Живу я этто 30 лѣтъ, мимо меня конной не проѣзживавъ, пѣшой не прохаживавъ, звирь не прорыскивавъ, птиця не пролетывала...“ Онъ былъ изъ себя прекрасной распрекрасной, ей онъ задавсе и она ему поглянулася. Она спросила ево: „какихъ ты родовъ, какихъ городовъ, каково отця-матери сынъ и какъ тебя зовутъ?“ Онъ сказавсе, какихъ родовъ, какихъ городовъ, каково отця-матери сынъ, „а зовутъ, говоритъ, Иваномъ Цяревицѣмъ“. Она на отвѣтъ и говоритъ ему таковы слова: „Возьми меня, Иванъ Цяревиць, взамужъ, такъ я тебя ослобожу отъ ноци, пущу ноцевать“. Онъ далъ ей такую росписку, што ему кромѣ ее не жонитцѣ, и она дала отъ себя, што кромѣ ево не за ково взамужъ не выходить. Когда пустила ево ноцевать, тогда и сказаласе ему: „я, говоритъ, Жаръ-Птици доць, и дала ему своево добраго коня, онъ и поѣхавъ завтра дальше. Сутки ѣхавъ, другіе и третіе, приѣзжаетъ и видитъ: двоємъ тово лутше стоитъ хоромина, и сталъ онъ проситцѣ подъ окномъ но-

цевать, и забиласе опѣть также по плечь въ окно дивчина и двоємъ той лутше, и говоритъ ему: „Я живу это 25 лѣтъ, мимо меня некто не проѣзживавъ, пѣшой не прохаживавъ, звирь не прорыскивавъ, птиця не пролетывала, а кто такъ смѣло колотитце?“ Онъ сказавъ ей, што я ѣду не по охотѣ, а по неволѣ; пусти ноцевать, тогда я скажу всѣ обстоятельства“. Она пустила ево и стала спрашивать, какихъ ты родовъ, какихъ городовъ? (и т. д.) Онъ сказавсе ей, и она ему: „Я, говоритъ, вторая доць Жарь-Птици“; потомъ говоритъ: „возьми меня, Иванъ Цяревиць, взамужъ!“ Отвицывъ онъ, што „оцень радъ, прекрасная дѣвица, взеть!“ Вотъ онѣ тутъ и сдѣлали росписку: ему не жонитце окромя ее и ей не выходить взамужъ окромя ево. Она смѣнила ево доброво коня, дала ему своево, а тово оставила на дворѣ. Вотъ и поѣхавъ онъ; сутки идетъ, другіе и третіе, и наѣхавъ: стоитъ такой теремъ, што верхъ золотой, а низъ серебряной, и ставъ онъ проситце въ эту фатеру ноцевать. Отворила дивчина окошко и такая прекрасная, што въ бѣломъ свитѣ такой нѣтъ и краше и лутше. Она стала ево спрашивать: „какихъ ты родовъ, какихъ городовъ, каково отця-матери сынъ и какъ тебя по имецьку зовутъ?“ Иванъ Цяревиць ей сказавсе и розказавъ все, для цево онъ поѣхавъ. Она потомъ и говоритъ ему таковы слова: „Возьми меня взамужъ, тогда я подсоблю тибѣ достать свою матушку!“ Эта дивчина была ужо третія доць Жарь-Птици; вотъ онѣ сдѣлали тутъ условіе, што ей не выходить не за ково окромя ево, и ему не жонитьце окромя ее. Иванъ Цяревиць у ее переноцеваль, она по утру бужаетъ ево ранѣхонько: „не сномъ, говоритъ, дорожка коротать, а надо пецелью“. Онъ встаетъ ранѣхонько, обуваетце гладехонько, умываетце билѣхонько. Она даетъ ему своево маленьково коника вороненьково и говоритъ ему, наказъ наказываетъ: „Ты придешь ко царству Жарь-Птици и кругомъ ее царства стоитъ каменна стѣна, ты и дуй плетью этово доброво коника и приговаривай ему: „какъ ты служишь Жарь-Птици младшой доцери, такъ послужи и мнѣ, Ивану Цяревицю“. Потомъ дала ему ширинку шитую; „вотъ, говоритъ, какъ перескочишь каменную стѣну и задинетъ коникъ задней лѣвой ногой за струну, ты (тогда) съ нево слизь и махни этой ширинкой, тогда обернешьсе ты горносталемъ и убѣжи

подъ каменную стѣну“. Вотъ сядивсе Иванъ Цяревицъ на ее доброво коника вороненьково и поѣхавъ, и пріѣзжаетъ онъ къ этому царству и видитъ: стоитъ каменна стѣна; вотъ онъ тутъ стѣживъ доброво коника плетью и приговаривавъ: „какъ ты служишь Жарь-Птици младшой доцерь, такъ послужи и мнѣ, Ивану Цяревицю“. Коникъ прыгнувъ съ нимъ церезъ каменну стѣну и захватилъ задней лѣвой ногой за струну, и пошовъ по всему царству звонъ; вотъ онъ махнувъ ширинкой, обвернувсе горностаемъ и залезъ подъ каменну стѣну. Приходитъ ночь, и выходитъ онъ изъ-подъ каменной стѣны и ходитъ по двору, а у Жарь-Птици стоявъ доброй конь-крылатъ, и стоявъ онъ на струнахъ. Иванъ Цяревицъ подходитъ къ этому коню и кланяетцѣ ему въ правую ногу, въ переднее копыто и говоритъ таковы слова: „ахъ ты, доброй конь-крылатъ, какъ служишь Жарь-Птицѣ, такъ послужи и мнѣ, Ивану Цяревицю!“ Конь не взлюбивъ это слово у ево и забивъ по струнамъ копытомъ, што по всему царству такой звонъ пошовъ, тревога, што сохрани Богъ! Посылаетъ Жарь-Птица своихъ слугъ узнать, што такъ безпокойно конь-крылатъ бьетцѣ? Слуги сходили, негдѣ неково не могли надти и увидѣть. Также вотъ и по другую ночь, и по третью ночь ищо тово пуще забивсе конь-крылатъ. И выходитъ (къ нему) Жарь-Птица, беретъ желѣзную палку и бьетъ ево по крутымъ ребрамъ, пошто безпокоить зря. Тутъ на Жарь-Птицю конь разсердивсе. По четвёртую ночь Иванъ Цяревицъ приходитъ и опѣтъ говоритъ коню-крылату таковы слова: „какъ ты служишь Жарь-Птицѣ, такъ послужи и мнѣ, Ивану Цяревицю!“ Конь стоитъ преспокойно, съ ноги на ногу не переступываетъ; на ту пору Жарь-Птица уѣхала въ Россію гулетъ; вотъ онъ (Иванъ Цяревичъ) обуздавъ, осѣдлавъ коня крылатово и выхидивъ изъ конюшни вонъ: „ты стой-жо, говоритъ, доброй мой конь непривязанной и некому неприказанной!“ и пошовъ онъ тутъ искать, добиратцѣ своей матушки. Ево матушка посажена за девятью дверьми и девятью замки; вотъ онъ восьмеры двери вышибъ, она тамъ и говоритъ таковы слова: „што за невѣжа пришовъ сюды, Жарь-Птица налетитъ, и намъ здись всѣмъ — смерть?“ Вотъ онъ и девятые двери вышибъ и увидѣвъ свою матушку, поздоровавсе; она тутъ не знаю обрадѣла, не знаю перепаласе, нечево не сказала;

онъ и говоритъ ей: „не перепадайся, матушка, а обряжайся во путь, во дороженьку!“ Она оболоклась и сили на коня крылатово и поѣхали къ дому. Пріѣзжаютъ къ этой малой королевнѣ, и выходила она на парат(д)ное крыльцо и встріцала съ великою радостью ево и сказала: „што, Иванъ Цяревиць, согласенъ-ли взеть меня взамужество?“ „Очень согласенъ, прекрасная королевна, обряжайся и ступай со мной!“ Вотъ онъ втроемъ и поѣхали въ путь, во дороженьку. Вотъ Иванъ Цяревиць идетъ да и овертывастце назадъ, она ево и спрашиваетъ: „што жо ты назадъ овертываешсе? разѣ нашо царство завидно?“ „Да завидно, не завидно, говоритъ, а со временемъ не мѣшало бы...“ Она махнула ширинкой и показала ему все царство свое, „вотъ, говоритъ, мое царство съ собой!“ и опѣтъ положила ширинку въ карманъ. Вотъ пріѣзжаютъ къ средней доцери, она встріцаетъ ихъ и говоритъ: „ахъ, Иванъ Цяревиць, ладивъ меня взеть взамужество, а везешь кроме меня!“ „Ну, ницево, прекрасная Королевна, обряжайся, найдемъ и тибѣ мѣсто; тамъ, говоритъ, видно будетъ, которую Богъ велитъ взеть“.—Сейчасъ она обрядилась, и сили на коня всѣ четверо. Пріѣзжаютъ онѣ къ самой бѣлой доцери и говоритъ та: „ахъ, Иванъ Цяревиць, ладилъ меня взеть взамужъ, а топерь окромя меня везешь двухъ!“ Онъ опѣтъ говоритъ: „обряжайся и ты, найдемъ мѣсто тибѣ; тамъ видно будетъ, которую Богъ велитъ взеть“. Она обрядилась; сили на крылатово коня пятеро. Въ девятой день пріѣзжаютъ на эту гору, и ставъ онъ по этой ципѣ опущать свою матушку; тутъ братья ево обрадили необычайною радостью; послѣ тово Иванъ Цяревиць ставъ опущать старшую доць Жаръ-Птици: вотъ онѣ сгреблись оба брата за ее; одинъ говоритъ: я за себя возьму и другой тожо. Вотъ онъ ставъ опущать среднюю доць Жаръ-Птици, — братья отъ тые процъ отошли и стали оба братьсе за эту, а та ужъ не тому, не другому не надо. И ставъ Иванъ Цяревиць опущать самую младую, самую красивую изъ трехъ ихъ; братья тѣхъ сестеръ обѣихъ процъ, оба взелись за младую; у нихъ вышла между собою и брань и крикъ. Вотъ большой братъ и говоритъ: „э, дурашка! давай сорвѣмъ ципъ, онъ (Иванъ Цяревиць) ежели опуститце, намъ единые не дастъ...“ Согласились братья, сорвали ципъ въ полугорѣ, собрались на добрыхъ коней

и уѣхали въ свое царство, а ево (Ивана Царевича) на горѣ и оставили; коня крылатово тоже увели. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло діетцѣ!

Иванъ Царевичъ съ тоски, съ кручины легъ спать на горѣ; ему во сновидѣннѣхъ и грезитцѣ, будто идетъ къ ему целовѣкъ, и говоритъ этотъ целовѣкъ: „Иванъ Царевичъ! не время спать, а время вставать; пойдѣ-жо ты по горѣ и (увидишь) стоить на сугорѣ ивовой кустъ, подъ нимъ лежитъ плита, свороти ты эту плиту, — подъ плитой есть нора, и пойдѣ ты въ эту нору, и найдешь ты въ этой норѣ фатеру, на печькѣ этой фатеры есть клюка, ты возьми ее и осмотри, што въ ней есть“.

Проснувшѣ Иванъ Царевичъ и пошовъ по этой горѣ и нашовъ ивовой кустъ; вырвавъ ивовой кустъ — подъ кустомъ плита; своротивъ плиту — нора; пошовъ онъ въ эту нору и нашовъ фатеру и осмотривъ онъ все въ этой фатерѣ и увидѣвъ клюку на печькѣ и выносивъ онъ эту клюку и ударявъ о сырую землю: „была, говоритъ, клюка, а встанъ конь-крылатъ!“ И вставъ передъ имъ конь-крылатъ и говорилъ ему целовѣческимъ голосомъ: „куда угодно, Иванъ Царевичъ? Я отнесу тебя“... „Неси, говоритъ, въ экое царство, въ экое государство!“... откуда онъ самъ-то родомъ. Конь приносить туда, и ударивъ онъ коня и сказавъ: „бывъ конь, станъ клюка!“ и сдѣлалась клюка. Вотъ идетъ Иванъ Царевичъ въ свой градъ, этой клюкой подпираетцѣ, не зашовъ отцю въ домъ, а вставъ килейнику на фатеру и просивше у ево въ сыновья: „Возьми, говоритъ, меня въ сыновья, я тебя до смерти пропою, прокормлю.“ Тотъ и взявъ ево. Иванъ Царевичъ и сталъ килейника спрашивать: „дѣдушко! што въ вашемъ царствѣ топерь діетцѣ?“— „А нашъ царь, говоритъ килейникъ, необычайно обрадѣвъ, што сыновей и жону дождалсе, только третьево (сына) нѣтъ; привезли, говорятъ, сыновья трехъ красавицъ, и ладить большой сынъ на меньшей (красавицѣ) жонитцѣ, въ утрѣ свадьба“. По утру встаетъ Иванъ Царевичъ и посылаетъ этово килейника къ царю на свадьбу и тамъ выслушивать, какіе разговоры поведутцѣ.

Килейникъ уходитъ на свадьбу, а тамъ все сидятъ князья, бояра, сенаторы и вся чернѣтъ и пьютъ, ѣдятъ у

царя. Вотъ выводятъ за столы меньшую дочь Жаръ-Птицы, надо къ вѣнцу вести. Она и говоритъ: „хорошо бы жонитцѣ, да не во што одитцѣ—подвинцельново платья нѣтъ при себѣ“. Свадьба тово дня и разохлассе, што не во што нивистѣ одитцѣ. Вотъ царь потомъ и спрашиваетъ ее: „какое-жо тибѣ, невѣстка, надо платье подвинцельное?“ „А мнѣ, говоритъ, вотъ какое надо платье: изъ семи разново шовку, штобы не шито (было) и не ткано, не брано,—все равно какъ на мнѣ выросло!“ Вотъ онъ (царь) выкликавъ тутъ мастеровъ, штобы сдѣлать къ утру эко платье. Не могъ найти такихъ мастеровъ.—

Приходитъ этотъ килейникъ домой, и у ево Иванъ Цяревиць и спрашиваетъ: „ну, што-жо, названной батюшко, у царя діетцѣ? Пованцялась-ли ево невѣстка съ большимъ сыномъ Ѳедоромъ?“ Килейникъ говоритъ, што нѣтъ, отложили винцѣньѣ до утра; велика у нее загадка: у ней нѣтъ подвинцельново платья и царь выкликавъ мастеровъ, штобы сдѣлать къ утру экое платье, што изъ семи разново шовку, штобы не шито, не ткано и не брано, а какъ будто на мнѣ, говоритъ, выросло,“ и мастера отказалисѣ. „Вотъ што, названной батюшко, говоритъ Иванъ Цяревиць,—пойди-ко къ царю, берись, мы эко платье къ утру сработаемъ!“ Килейникъ спросивъ ево: „а што съ царя просить за работу?“ „Проси, говоритъ, сто рублевъ деньгами да ведро вина“.

Приходитъ килейникъ къ царю и беретцѣ сдѣлать эко платье; царь давъ ему 100 рублевъ денегъ и приказавъ налить ведро вина. Вотъ старикъ поставилъ ведро вина въ „крошки“ и вишь только крошки (такъ!) скрипятъ, какъ „кретить“ домой и подаетъ (дома) Ивану Цяревицю деньги и вино. Онъ (Иванъ Цяревиць) сказавъ: „мнѣ деньги не надо, клади къ своимъ; а винцѣ станемъ пить!“ Вотъ онъ сицясъ старику и старухѣ подаетъ по стакану зеленово вина, а старику со старухой не много и надо, ихъ охмилло, онѣ и повалилисѣ; вотъ онъ беретъ это ведро и выкушиваетъ за единый духъ, и легли онѣ всѣ трое спать, опоцинь держать. Иванъ Цяревиць ото сна проспувсе, взявъ клюку, вынесъ во зеленые луга и ударивъ о сырую землю, говоря таковы слова: „была клюка, встань конь крылатъ!“ Передъ имъ вставъ конь-крылатъ и говоритъ целовѣческимъ языцѣмъ: (такъ!): „куда угодно, Иванъ Цяре-

виць? туда и снесу тебя“. „Неси, говоритъ, на эту гору, откуда ты!“ Конь принесъ ево на эту гору, онъ сходявъ въ ея (невѣсты) фатеру, отперъ сундукъ и взявъ платье изъ семи разново шовку. Съиздивъ онъ поцѣной порой, не старикъ, не старуха и не слышали, и положивъ это платье къ сибѣ въ зголовѣ и легъ спать, опоцинъ держать. Вотъ время приходитъ подъ утро, старикъ и бужаетъ свою старуху: „Встань, старуха, и поладь мнѣ умиральново платья; взялись у цярѣ исповнить экое дѣло, а нечево не исповнили, платья не сдѣлали, мнѣ смерть севодни“... Вотъ и учувъ это шырмованье Иванъ Цяревиць и говоривъ имъ таковы слова: „што-жо вы, дѣдушко да бабушка, шырмуете?“ „Вотъ што мы шырмуемъ, дитя, што взелись у цярѣ экое дѣло сдѣлать, а нечево не сдѣлали, такъ я и велю своей старухѣ поладить умиральное платье, мнѣ смерть севодни будетъ“... „Вотъ што, названной батюшко, говоритъ Иванъ Цяревиць, — ты вставъ бы да умывсѣ, да позавтракавъ, да поглядѣвъ бы у меня въ зголовѣ; первѣе оцередѣ смерти не будетъ“... Старикъ обрадовавсѣ, когды увидавъ эко платье, взявъ ево и пошовъ къ цярю, (гдѣ) и вынимавъ это платье и подававъ цярю; цяръ сицясъ призвавъ прекрасну королевну, Жаръ-Птици молодую доць. Та посмотри, говоритъ: „вотъ, богоданной батюшко, ты сказавъ, што у тебя нѣтъ такихъ мастеровъ, а вотъ и нашлись такіе мастера, што сдѣлали мнѣ платье изъ семи разново шовку, не шито, не ткано, не брано, какъ по мнѣ и выросло, въ этомъ платьѣ можно ѣхать и къ винцю“... Вотъ тутъ и выводили ея за столы дубовые и садили ея за ѣствы за сахарніе, за нашитки пьяные, и сидитъ она задумаласѣ, распецалиласѣ... „Вотъ што, батюшко, говоритъ, хорошо бы ѣхать къ винцю, да у тебя не въ цѣмъ ѣхать... Подкати подъ меня карету стеклянную и запряги коня-самолѣта!“

Тово дни опѣтъ свадьба разохласѣ. Выкликаетъ цяръ такихъ мастеровъ: сработать карету стеклянную и подпрегци коня самолета.

Не могъ онъ надти такихъ мастеровъ, некто не смѣвъ взетцѣ. Приходитъ килейникъ въ свой домъ къ Ивану Цяревицю, и тотъ спрашивавъ ево: „Што-жо, названной батюшко, повинцяласѣ-ли прекрасная королевна?“ — „Нѣтъ,

говорить, не повинциялась и севодни; приказала сдѣлать корету стеклянную и запрегци коня-самолета ѣхать къ винцю; выкликавъ царь такихъ мастеровъ, штобы сдѣлать это къ утру, — некто не взявся. Иванъ Цяревиць и говоритъ ему: „дѣдушко! пойди ты къ царю и берись, мы около ночи сработаемъ все!“ Онъ опѣть спросивъ: „а що, дитя, мнѣ просить съ царя за эту работу?“ Иванъ Цяревиць въ отвѣтъ говоритъ: „проси 200 рублейъ деньгами и ведро вина“. Вотъ старикъ и пошовъ къ царю и говоритъ: „Ваше царское величество! я могу сдѣлать эту работу“.

Царь спросивъ ево: „много-ли надо за работу?“ „А двести рублѣвъ деньгамъ да ведро вина!“

Царь согласивсе, выдалъ деньги и приказавъ налить ведро вина. Старикъ поставивъ ведро въ крошню, идетъ домой, только крошня (такъ) скрипитъ. Придя подаетъ деньги и вино Ивану Цяревицю, но онъ денегъ не взявъ, сказавъ: „клади деньги къ деньгамъ, тибѣ пригодятцѣ, а мнѣ не надо, вино станемъ пить!“ Вотъ старику и старухѣ Иванъ Цяревиць подавъ по стакану и по другому, тѣ и свалились; онъ (затѣмъ) выкушавъ это ведро вина за единой духъ и выносивъ тутъ клюку во зеленые луга и ударявъ о сырую землю, говорилъ таковы слова: „была клюка, а встань конь-крылатъ!“ Конь всталъ и говоритъ целовѣцескимъ языцѣмъ: „куда, Иванъ Цяревиць, надо, туда и снесу?“ „Неси, говоритъ, на ту гору, откуда и самъ бывъ!“ А конь-крылатъ какъ тутъ и есть. Иванъ Цяревиць и ладить подъ эту корету коня-самолета запрегци; вотъ и говоритъ (ему) тутъ конь целовѣцескимъ языцѣмъ: „Иванъ Цяревиць! ежели ты подпрягѣшь эту корету подъ меня, намъ ее въ цѣлостѣ не привести; эта корета вся на шурупахъ, ты расклади эту корету и на каждомъ шурупѣ сдѣлай запись, откуда которой бывъ, и сложи эту корету у себя по корманамъ“. Онъ такъ и сдѣлавъ, и сядивсе на коня-крылата и прѣзжаетъ къ килейнику, (гдѣ) склавъ эту карету стеклянную, подпрягъ коня-самолета и сказавъ ему таковы слова: „стой-жо ты, конь, непривязанъ и некому не приказанъ“, а самъ зашовъ въ фатеру и легъ спать, опоцинъ держать.

Время приходитъ подъ утро, опѣть старикъ бужаетъ

старуху: „ну, говорить, старуха! ладъ умиральное платье; мы, говорить, взялись у цярѣ такое дѣло сдѣлать, а нецево не сдѣлали“. Иванъ Цяревиць и учувъ ихнее шурмованье и говорить таковы слова: „што-жо вы, дѣдушко и бабушка, шурмуете?.. Вотъ што, дѣдушко! ты бы вставъ, обувсе, умывсе, Богу помоливсе, сѣвъ бы, позавтракавъ да и вышовъ бы на бѣлыя сини и посмотривъ бы около своо двора“... Дѣдушко все это сдѣлавъ и увидѣвъ карету стеклянную и коня самолета. Иванъ Цяревиць старика посадивъ на кóзла, а самъ сѣвъ въ карету стеклянную. Вотъ онѣ и поѣхали къ цярю, пріѣзжаютъ туды и приказываютъ (слугамъ) сдѣлать цярю докладъ, штобы вышовъ, посмотривъ. Выходить цяръ на парат(д)ное крыльце и пондравилось ему корета стеклянная и конь-самолетъ. Вотъ онъ потребовавъ изъ залы прекрасную королевну, малую доць Жаръ-Птици: „пойди-ко, говорить, невѣстка, посмотри, пондравитцѣ-ли тибѣ ѣхать къ винцю въ экой коритѣ? Она выходила и говорила таковы слова: „вотъ, мой богоданной батюшко, сказавъ, што у тебя нѣтъ такихъ мастеровъ, а вотъ нашлись-жо!“ И пошла она кругомъ кореты стеклянные и увидѣла Ивана Цяревиця, сидитъ въ коретѣ, и сказала она таковы слова: „вотъ, богоданной батюшко, вашъ сынъ (здѣсь), а мой мужъ, я съ этѣмъ согласна ѣхать къ винцю!“.. Тутъ все узналось.

Вотъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку, и поѣхали онѣ къ винцю съ Иваномъ Цяревицѣмъ; онъ и повинцявсе съ малою дочерью Жаръ-Птици, а своихъ братьовъ жонивъ: большово Ѳедора на старшой доцери Жаръ-Птици, а среднево, Василья на средней доцери...

И тамъ бывъ, вино и пиво пивъ; пиво-то тепло, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!...